

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФРОНТОВОЙ ФОТОГРАФИИ

Картышник Ксения Сергеевна,
ГУО «Гимназия № 174 г. Минска»,
10 «Б» класс, 15 лет

«Тот, кто не помнит своего прошлого,
осуждён на то, чтобы пережить его вновь»
Д. Сантаяна.

«Война в биографии моей семьи». Партизаны Великой Отечественной войны.

Какое счастье! Моя внученька пришла,— хлопчет возле меня бабуля. С каждым разом я замечаю, что она становится все ниже ростом. «Стаптываюсь»,— морщинки лучиками разбегаются по лицу моей прабабушки, Кутиковой Ефросиньи Антоновны, которую мы все называем бабулей.

Ефросинья Антоновна — удивительная женщина. Уютная, кругленькая, глаза синие-синие, как васильки, а волосы совсем льняные. Нос добрый, широковатый, кажется, такой нос был у горьковской бабушки, это не портит, а делает ее лицо еще добрее. Бабуля говорит тихо, мягко, но убедительно, и все ее слушают. Я думаю — все дело в мудрости. Да, моя бабуля мудрая, и еще она счастливая. Поэтому с детства мне казалось, что «счастье» — это что-то теплое, уютное, пахнущее ванилью и корицей.

Меня восхищает умение бабули радоваться каждому прожитому дню и заряжать окружающих своим оптимизмом и жизнерадостностью. «Так умеют ценить жизнь и быть счастливыми те люди, которые выжили после Великой Отечественной войны»,— говорит моя мама.

— Расскажи,— прошу я. Бабуля придумывает неотложные дела: нужно заварить чай, нарезать пирог,— не хочет рассказывать. А потом сядет на край стула, руки опустит и начнет рассказ о своем военном детстве. И голос как будто не ее, и лицом потемнеет, и враз как будто постареет. Я замираю, слушаю внимательно, и даже когда бабуля задумывается, не тороплю ее, не мешаю побыть там, в другом времени.

— Детство мое закончилось внезапно, когда мне исполнилось 8 лет. В жаркий июньский день над нашей деревней со страшным гулом начали кружить немецкие самолеты. Жители деревни Селец бросились врассыпную в сторону леса. До сих пор слышу гул самолетов, крик женщин, детей. И вдруг воздух прошивает свист пуль. Я оборачиваюсь. Наша соседка, тетка Наталья, не выпуская из рук годовалого Мишутку, заваливается набок. Дед Матвей присел, держится за свою палку и медленно ложится лицом вниз. Детский голос истошно кричит: «Мама!» От увиденного меня бьет крупная дрожь и, добежав до леса, я падаю в траву. Мама нашла меня и крепко прижимает к себе. Вечером, сбившись стайкой, люди, прислушиваясь и озираясь по сторонам, возвращаются в свои дома.

Они приехали на следующее утро. На мотоциклах с колясками, холеные,

остановились у реки. Берег нашей реки стал темным от мотоциклов, чужих людей в форме, громко гоготающих и разговаривающих на непонятном языке.

Потом немцы начали наводить порядок в деревне. Жителей согнали на площадь перед правлением, долго выясняли у старого дяди Казимира, колхозного бухгалтера, есть ли в деревне коммунисты, депутаты. Разозлившись, что ничего не узнали, ударили старика прикладом по голове и стали пинать начищенными сапогами. Когда дядя Казимир, придя в себя, зашевелился, расстреляли из автоматов. «Так будем поступать со всеми, кто будет скрывать правду о коммунистах и партизанах»,— орал фашист, брызгая слюной. Потом на ломаном русском приказали сдать советские книги, чтобы их сжечь, ознакомили местное население с правилами поведения и приказали и женщинам, и детям отработать на строительстве узкоколейной железной дороги в Залесье, куда надо было ходить пешком за 12 километров.

Самое страшное, когда немцы ходили по хатам и выбирали место, где будут жить. Наш небольшой скромный дом им не приглянулся, да и нас у мамы было трое: я и две маленькие сестренки. Родители мечтали о большом доме, но папа как ранним июньским утром «ушел на войну», так и не вернулся. «Попал в самое пекло»,— говорили женщины, смахивая слезы.

Зато трое немцев поселились у нашей соседки, тетки Марыли. Они долго разглядывали ее льняную рубашку, вышитую крестиком, длинную юбку-сподницу (так ходили все женщины в деревне). Фотографировались с теткой, смеялись.

— Знаешь,— бабушка надолго задумывается,— тяжело вспоминать. Немцы были злые, жестокие, особенно когда откуда-нибудь возвращались. Люди рассказывали, что фашисты сжигали целые деревни, не щадили ни женщин, ни детей.

В наших лесах хозяйничали партизаны, ими руководил житель соседней деревни Варпахович Николай. Фашисты постоянно рыскали в поисках партизан. Помню, как привезли троих: совсем молодого парня, девушку и мужчину. Их несколько дней держали в здании правления, наверное, пытали. Потом избитых, босых, вывели на площадь и устроили показательную казнь. Несколько дней висели трупы с неестественно вывороченными шеями и табличками на груди «Смерть партизанам».

За малейшую провинность жителей деревни наказывали. Заставляли много работать на строительстве железной дороги, не обращая внимания на возраст и нехватку сил. Жили мы впроголодь, да и немцы отбирали самое последнее. Рано утром немец по имени Густав лез в наш курятник и забирал несколько яиц, прямо у курятника доставал яйца из решета и сырые выпивал, раскидывая яичные скорлупки. Мама умудрялась варить картофельные очистки, перемалывать их с чем-нибудь. Иногда от этого болел живот, но голод мы утоляли.

— А знаешь,— бабуля улыбается,— сами того не зная, мы, дети, помогали партизанам. Помню, однажды вечером к нам заглянула тетка Анна и долго шепталась с мамой. Мама на жаркий теткин шепот категорично отвечала: «Нет». Но потом, видимо, согласилась. Утром рано она разбудила меня и сказала: «С Валюшей и Яном сходите в лес, черники наберете. Дойдете до просеки, перейдете балку — на пригорке вас будет ждать человек. Передайте ему этот рушник с едой». Мама протянула мне сверток: «Собирайте ягоды, ничего не бойтесь». А сама, провожая нас, долго мелко крестила.

От корзинки, где лежал сверток, приятно пахло хлебом, слюнки текли, хотелось кусочек отломить. В условленном месте мы передали сверток пожилому бородатому человеку с палкой, который появился перед нами так неожиданно, как будто вырос

из-под земли. «Спасибо, ребята, вы большие молодцы, главное — язык держите за зубами», — мужчина скрылся в зарослях, как будто его и не было. Все произошло так быстро, что мы и слова не успели сказать.

Возвращаясь из лесу с полными корзинками черники и земляники, мы неожиданно наткнулись на два немецких мотоцикла. Фашисты обступили нас, начали кричать, тыча в сторону леса: «Вы есть кляйне партизанен? Говорить!» Мы с Валюшкой прижались друг к другу, а Ян, который был младше нас, заплакал. И вдруг я нашлась: «Дядечки, там, в лесу, много-много ягод. Попробуйте, сладкие» Я от страха говорила громко, смеялась, жестикулировала. Наверное, поэтому немцы остыли, пересыпали себе наши ягоды, подавив большую часть. И показав в сторону леса, жестами предупредили, что будут расстреливать каждого за связь с партизанами. Так за «ягодами» мы ходили еще несколько раз. Только потом узнали, что в мякише хлеба, который мы передавали, была спрятана важная для партизан информация. Взрослые предусмотрительно не рассказывали нам об этом.

— Бабуля, ты героиня! — я крепко обнимаю ее за шею.

— Героями были все: и кто воевал на фронтах и в белорусских лесах, и кто работал на заводах в тылу. Но мы, кому не довелось сражаться с фашистами, проявляли «душевный героизм», потому что всей душой верили в нашу Победу, в то, что Бог поможет нашим войскам очистить родную землю от захватчиков.

«Какое чудо, — думала я, слушая бабулю, — что деревню Селец не разбомбили, не сожгли вместе с жителями, как это сделали со многими белорусскими деревнями, что дети не попались в лапы фашистам, когда носили передачи партизанам, что немцы не зверствовали, оставили людей в живых, когда отступали летом сорок четвертого».

Дети войны не живут воспоминаниями прошлого, они живут сегодня и сейчас, не откладывая «на потом» своих чувств, своего желания помочь, быть нужным. Я благодарна своей прабабушке за то, что она научила меня ценить жизнь и радоваться мирному небу над головой. Я поняла, что война стала частью биографии моей семьи.

— Бабуля, я хочу тебе рассказать о важном событии в моей жизни. Учащимся нашей гимназии выпала честь, а это бывает раз в несколько лет, нести Вахту Памяти на Посту № 1 у вечного огня на площади Победы.

Меня переполняли эмоции, я рассказывала о том, как мы долго готовились, отработывая мемориальный шаг и смену караула, изучали исторические сведения о площади Победы. О том, что скульптор Г. Заборский, еще в 1942, находясь в госпитале, набрасывал макет памятника, потому что верил в победу.

— Какие мы были красивые, подтянутые в военных кителях и шинелях, как помогали друг другу, были серьезными и ответственными! Мы как будто повзрослели и стали другими. Мы достойно несли Вахту Памяти, несмотря на снег, дождь и ветер. Я горжусь собой и своими одноклассниками. А как нами гордятся наши родители!

— А по-другому и не должно быть, — улыбается моя мудрая бабуля, — вы внуки и правнуки тех, кто освобождал родную землю от врагов, отдавал свои жизни за Победу.

Я разделяю точку зрения своей бабули. Мы, молодое поколение, — особенные и не имеем право быть другими. В наших жилах течет кровь наших предков, которая имеет особую формулу: доблесть, героизм, бесстрашие, патриотизм, любовь к Родине. Наша задача — не допустить повторения тех трагических событий,

сохранить мир, завоеванный дорогой ценой, сберечь и передать новым поколениям память о великом подвиге наших соотечественников.

А еще мы обязаны разбираться в политике и извлекать уроки из истории. И должны беспокоиться не только за судьбу своей страны, но и за судьбу всей нашей планеты.

